

ИНТЕРЕСЫ И ЦЕННОСТИ

А.И. Кузнецова

DOI: 10.7256/2305-560X.2013.02.11

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В настоящей статье дается оценка роли фактора национальной идентичности в мировой политике и международных отношениях. Отмечается, что национальная идентичность способствует определению вектора развития нации в политическом пространстве, а различия в идентификации способны породить международные конфликты, характеризующиеся высокой интенсивностью и социальной опасностью. Взаимосвязанное развитие национального самосознания и формирование культуры каждого отдельного народа происходит в системе отношений с другими народами. На первых этапах социальной эволюции отношения между народами являются одним из важнейших факторов в формировании и развитии национальной идентичности и культуры. Именно через контакт, отношения между буквально народами (человеческими группами) начинается процесс формирования человека.

Ключевые слова: политология, национальная безопасность, международные отношения, этничность, политика, конфликт, идентичность, национализм, государство, мировая политика.

Завоевав свою нишу в живом мире, прачеловеческие группы начинали борьбу между собой, что и составило суть начального этапа развития человеческой цивилизации как таковой. Выживал более сильный, более консолидированный и самоорганизованный этнос. Другими словами, конкуренция между социальными общностями — это конкуренция моделей самоорганизации — отношений внутри группы и ее отношений с внешней средой, то есть другими человеческими группами. Общность (народ и т.д.), сумевшая стабилизировать «более высокие значения неравновесия со средой, обладает, следовательно, более совершенными средствами управления»¹, и данное обстоятельство задает определенную направленность развития. Собственно говоря, любая неживая и живая внешняя среда как таковая агрессивна по отношению любому субъекту, то есть имеет склонность к поглощению, ассимиляции субъекта. Это относится и к отдельному народу и его культуре, для которого среда — это другие народы и их национальные культуры.

Конкуренция народов и государств на ранних этапах истории сформировала известный и универсальный социальный архетип «мы — они»². Со-

циопсихологи определили, что исторически категория «мы» вторична по отношению к категории «они». То есть осознание своего коллективного и его особенностей следует за осознанием особенностей другого народа, как правило, соседнего народа. Такое отражение окружающего социального мира или восприятие соседних народов определяется термином «этноцентризм»³, то есть помещения еще неосознанного собственного коллективного Я (условно «эго») в центр мироздания⁴. На ранних этапах этноцентризм ничего не выражал, кроме особенностей первобытной еще бессознательной психики восприятия внешней среды. Термин «этноцентризм» метафорично и универсально отражает отношение отдельного народа к его внешней среде, фиксируя этап эволюции социальной психики человеческих групп⁵.

Через эту парную категорию «мы — они» воспринимались первичные контакты народов друг с другом. В свою очередь борьба за территорию и ресурсы и определяли характер международных отношений и формировали архаичную идентич-

¹ Назаретян А.П. Человеческий интеллект в развивающейся вселенной: истоки, становление, перспективы. М., 1990. С. 75.

² Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1998. С. 67.

³ Аратановский С.Н. Этноцентризм и «возврат» к этничности: концепция и действительность. Этнографическое обозрение. 1992. № 3.

⁴ Мифы народов мира. М., Т. 1. С. 12-22; Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1998. С. 24.

⁵ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 197.

ность в тех образах соседних народов, которые и были заложены в основу национального сознания⁶, нашедших свое отражение в мифах и фольклоре⁷, где тема внешней угрозы и образ соседнего народа доминирует.

Например, собирательный образ степняка как внешней угрозы стал отрицательным символом русской идентификации на определенный исторический период⁸. В русских былинах образ степняка рисуется черными красками в буквальном и переносном смысле. Былины, исторические песни и сказки являются важным источником изучения развития национального российского сознания и в связи с различными международными событиями⁹. Прослеживается, что конфликт с кочевником-степняком занимает в них первостепенное значение. Причем для нас интересно не только, что в фольклоре фиксируется внешнеполитическая значимость конфликта, но и его роль в процессе формирования национального сознания. Тот факт, что былины и песни были записаны (а значит, — сохранены) в северных районах России, далеко расположенных от региона конфликта, свидетельство тому. То есть, в этих эпических памятниках «застыли» противоречия «между человеческими организмами» и внешней средой. ... Они представляют собой символический мир культуры, мир коллективного субъекта мышления¹⁰. Первичные ощущения перешли в летописи, где реальное уже фиксировалось с эмоциональным и ценностным акцентом. Затем летописи легли в основу национальной истории, которая уже отражала задачи формирования централизованного государства и задачи легитимации монархической власти. Те или иные образы внешних угроз ослабевают, теряют актуальность или эволюционируют со знаком «плюс» или «минус»¹¹.

⁶ Глебова И.И. Образы прошлого в структуре политической культуры России: дисс. на соиск. уч. ст. ... д.п.н. М., 2007; Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007; Мостовая И.В., Скорпик А.П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // ПОЛИС. 1995. № 4. С. 72.

⁷ См.: Мифы народов мира // Жизнь мифа в античности // Материалы научной конференции «Випперовские чтения». М., 1985. Т. 1. Ч. 1; Ленолла Э. Малая нация и национальное самосознание в современном мире. Финляндия, Хельсинки, 1993.

⁸ Селиванов Ф.М. Богатырский эпос русского народа. Былины. М., 1988. С. 1.

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ Иванов А.В. Указ. соч. С. 74.

¹¹ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVI–XXI веках. М., 2007.

Прошлое находит свое отражение и в современности. Так, учреждение очередного праздника России «Национального единения», хотя и имеет определенную политическую цель, но имеет и исторический контекст — напоминание о польско-шведской интервенции 400-летней давности, хотя все начиналось с процесса размежевания/обособления, борьбы за территориальные ресурсы между группами славян. В свою очередь контакт восточных славян (русских) с финнами, а последних со шведами (германскими группами) нашел отражение в национальной памяти финнов в такой формулировке: «мы не хотели быть шведами и не хотели быть русскими, поэтому стали финнами». Как известно, предки русских — племена вятичей и кривичей, продвигаясь на север и вытесняя и ассимилируя финно-угорские народы стали непосредственными соседями финнов. Более того в начале XIX в. Финляндия была присоединена к Российской империи, затем была советско-финская война. Очевидно, все отмеченное не могло не сформировать определенный образ России в финском национальном сознании. Польские исследователи так же считают, что польское национальное самосознание формировалось прежде всего в процессе непростых отношений с такими соседними народами, как русский и немецкий¹². И с теми и другими поляки вели борьбу за территории и ресурсы, отстаивали свою культурную самобытность. В свою очередь образ Китая-завоевателя, Китая-угрозы прочно вошел в сознание соседних народов. То же самое можно сказать об отношениях ряда балканских стран к Греции, Турции и Сербии как наследников соответственно образов Византийской и Османской империй и Великой Сербии¹³.

Образ внешней угрозы, являясь частью архетипа, вечен и находится до поры до времени в латентном состоянии, но в периоды обострения отношений между государствами не просто выходит наружу, но становится частью политики. Это можно наблюдать на пространстве бывшего СССР¹⁴ в отношении Украины и Прибалтийских государств к России. В постсоветское время в бывших советских республиках стали переписывать историю таким образом, чтобы делать акценты на завоевательных

¹² Рыбин Ф.Н. Современная внешнеполитическая доктрина Польши и национальное самосознание поляков (политологический анализ). М., 2003. С. 12-16.

¹³ Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. М., 2002. С. 234–249.

¹⁴ Задохин А.Г. Политические процессы на периферии Евразии. М., 1998. С. 86-108.

походах Российской империи. С одной стороны, это было проявление особенностей становления национального государства, поиск национальной идеи консолидации, а с другой — стремление через образ врага укрепить власти, отвлечь общество от экономических проблем.

Неосознанная и политически намеренная ретравматизация/актуализация образа врага стимулирует иррациональные действия, мотивами которых могут являться не реальные интересы, а мнимые, основанные на мифах и сложившихся стереотипах. В свое время олигархическая элита Японии накануне войны с Китаем в конце XIX в. активно разжигала антикитайские настроения. Перед началом, войны с Китаем, правящие элиты усиленно культивируют негативный образ Китая сначала с целью воспитания японцев в духе национального превосходства, а затем и психологической подготовки к агрессии против соседа. Распространялось мнение, что в Китае извратили¹⁵ суть учения Конфуция. Представителей так называемой школы «национальных наук» утверждали, что «китайцы недостойны быть наследниками прежней великой традиции»¹⁶. Соответственно, на роль наследника-миссионера выдвигалась Япония. Причем свою миссию попыталась осуществить с помощью оружия, что в конечном итоге привело ее к национальной катастрофе¹⁷.

Выдающийся исследователь международных отношений Киёсава Киёси писал в 1942 г.: «Что поражает исследователя истории японской дипломатии... так это то, что общественное мнение в Японии всегда требовало жесткой внешней политики... . В сфере иностранных дел сотрудничество японского народа с правительством всегда начиналось с развязыванием войны и заканчивалось с ее завершением.. Дипломатия считалась синонимом слабости и вызывала гнев общественности... ..Со времен Токугавы в общественном сознании японцев осталось представление, что внешнеполитических целей можно достичь, только если правительство займет жесткую позицию, и что отсутствие дипломатических успехов может быть вызвано только неспособностью правительства такую позицию занять. По каким бы то ни было причинам нельзя отрицать, что приверженность жесткой внешней политике всегда была основной установкой общественного мнения, Обще-

ственное мнение по природе своей безответственно и эмоционально. Размышляя о нашей международной политике, нельзя забывать об этой особенности национального менталитета. Примечательной особенностью этого чувства является постоянное желание экспансии... и наш прошлый опыт подсказывает нам, что только сильный кабинет может преуспеть в том, чтобы контролировать это общественное мнение и руководить им и его требованиями к жесткой внешней политике»¹⁸.

В этой связи важное значение имеет присутствие или отсутствие рефлексии, то есть способности общества или его элит, в том числе из властных структур, к осознанию своих действий и адекватности восприятия ими окружающей реальности в соотношении с особенностями своей системы ценностей и национальной культуры. Психологические исследования утверждают, что анализу объекта и реальной ситуации субъектом на подсознательном уровне предшествует образ, который и необходимо отрефлексировать, осознать, описать именно как субъективное человеческое восприятие. Образ является важнейшей и неизбежной компонентой действий субъекта, первично ориентируя его со всеми «Но» в конкретной ситуации, направляя на достижение поставленной цели и разворачивая действие субъекта в пространстве и времени. Полнота и качество Образа определяют степень совершенства действия, то есть нейтрализации непродуктивного субъективизма. В процессе реализации действия исходный Образ видоизменяется, накапливая в себе опыт практического взаимодействия субъекта со средой — приближая образ среды к реальности. Объем содержания Образа безграничен (от Образа микрочастицы до Образа Вселенной), причем все содержание дано в нем одновременно (симультанно). В чувственном Образе может быть воплощено любое абстрактное содержание; в этом случае материалом для Образа служат не только пространственно-временные представления, но и субъективные и целенаправленные сформированные и, на чем делается, в частности, акцент исследования — целенаправленные навязанные ощущения, восприятия. Другими словами, авторитет любого актора международных отношений во многом зависит от его Образа, который и может быть сформирован, как самим этим актором, так и внешним субъектом. Причем не только на бессознательно, но и вполне осознанно. В любом случае, еще раз подчеркнем, объективному предшествует субъективное — Об-

¹⁵ Чудодеев Ю.В., Каткова З.Д. Китай. Япония: любовь или ненависть? М., 1995. С. 34-35.

¹⁶ The Chinese and Japanese. Essay in Political Interactions. ED. By Akira Iriya. Princeton. 1980. С. 58.

¹⁷ Мак-Клейн Дж.Л. Япония от сегуната Токугавы – в XXI век. М., 2007. С. 412-452.

¹⁸ Сьюмпэй Окамото. Японская олигархия в русско-японской войне. М., 2003. С. 60–61.

раз. Но и субъективное (идеальное) — человеческое восприятие есть такое же реальное, как и материальное.

Образ как результат восприятия Объекта аккумулирует в себе различные культурно-исторические аспекты жизнедеятельности объекта и среды его обитания. Он включает визуальный и вербальный компоненты и дает более полное представление о ком-либо или о чем-либо (дела, качества, поступки, черты, характеристики, параметры и т.д.).

Опираясь на ряд работ, посвященных образу, можно обозначить некоторые другие характерные свойства и признаки образа как вполне объективного явления:

- Образ упрощен по сравнению с объектом, публичным портретом которого он является. Вместе с тем он подчеркивает специфичность и уникальность объекта. Кроме того, образ можно рассматривать как разновидность свернутого сообщения: значительный объем информации, которого несет объект посредством образа, сводится к ограниченному набору символов;
- Образ конкретен, но подвижен, изменчив; он все время корректируется, адаптируется к требованиям текущей ситуации;
- Образ в определенной степени идеализирует объект, либо преувеличивая его выгодные черты, либо наделяя его дополнительными социальными, идеологическими, психологическими качествами в соответствии с ожиданиями тех, на кого нацелена работа Организации;
- Будучи привязанным к своему прообразу, образ, тем не менее, живет по собственным законам в соответствии с психологическими ориентациями обыденного сознания населения планеты¹⁹.
- Образ способен меняться как при смене ситуации, так и вследствие усилий по формированию образа.

В методологическом плане важно отметить, что категория «образ» -заимствована политической наукой из психологии, что предполагает анализ не только буквально реальности, но и анализ (отслеживание, фиксацию) восприятия этой реальности. Вполне приемлемо для историков и политологов, говоря об образе, рассматривать его как особую форму отражения реальности, имеющую непосредственную связь с субъектом, то есть с его ощущениями описываемого объекта. В идеальном плане образ дает целостную пространственную организацию и временную динамику объекта.

¹⁹ Карцева Е. Три лица имиджа, или Кое-что об искусстве внушения // Иностранная литература. 1971. № 9. С. 234.

Понимание процесса формирования внешней политики включает в себя не только такие категории, как «национальные интересы» и «национальная безопасность»²⁰. Любому внешнеполитическому решению предшествует прежде всего образная ориентация, то есть эволюционно и естественно сложившиеся в данном обществе представления об окружающем мире и его субъектах. Эта образность, как уже отмечалось, формируется из позитивного и негативного опыта общения с внешней средой, а также на основе закономерностей развития социального сознания.

Отношение к внешнему миру и его субъектами — народам и государствам — выстраивается на сопряжении самоописания народа и его описания другим народом, то есть на встречных представлениях. Обязательно в иноописании присутствуют определенные искажения, порожденные историей отношений, непониманием или неполным пониманием того или иного факта инокультурным наблюдателем. «Описание одной и той же совокупности явлений, сделанные изнутри и извне, должны быть неминуемо различными (даже при условии одинакового знакомства с фактами как таковыми)», поскольку «в исторических описаниях, как и вообще при любом сознательном и целенаправленном анализе явлений гуманитарной сферы, не удастся отвлечься от «возмущающей» роли субъективного (человеческого) начала, в данном случае — от личности того, кто описывает ситуацию»²¹. Причем особенности определяются спецификой субъекта. Самоописание всегда избирательно²². В свою очередь, для внешнего наблюдателя — представителя другой культуры, другого народа, не понимающего логики данного поведения, все значимо в равной степени. Иностранцы поэтому фиксируют и то, что самим представителям описываемого народа «просто незаметно»²³. Реконструируя в рефлексивном процессе на основе научных методик самоописание и иноописание, сопоставляя их во времени, можно выделить наиболее существенное, что проходит через всю национальную историю, то есть архетипические образы и стереотипы с це-

²⁰ Манойло А.В. Интересы внешней политики США в Афганистане // Национальная безопасность. 2012. №3. С. 76-81.

²¹ Топоров В.Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам (ТЗС), Т.УІ, УЗ ТГУ. Вып. 308. Тарту, 1973. С. 108-109.

²² Живов В.М. О внутренней и внешней позиции при изучении моделирующих систем. Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 6-7.

²³ Лотман Ю.М. Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. // Культурное наследие древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 293.

лю выработки последующих действий, которые бы способствовали преодолению стереотипов.

В обычном состоянии воздействие архетипов и стереотипов не то что заметно, но не столь влиятельно. В условиях же внутреннего или международного кризиса возникает особое психологическое состояние общества. Оно выражается в нарастании воздействия коллективного бессознательного в социальном действии, когда спонтанно появляется стремление к стереотипному разрешению кризисной ситуации. Происходит сужение сознания, возврат к ограниченному ряду архаических ориентиров, сложившихся в процессе предшествующих периодов развития общества и его сознания и отражающих реальность иного геополитического и культурного порядка.

Стереотипная ценностно-культурная ориентация общественного сознания с опорой на его архаические слои создает условия для блокирования прагматического определения целей и максимально точного описания национальных интересов в соответствии с ресурсами и возможностями общества на данный момент и с учетом перспектив его развития. Так естественный «природный» этноцентризм начинает трансформироваться в концептуальный национализм и имперскую внешнюю политику²⁴, в котором избранность нации и ее мессианская предназначенность являются основными мотивами агрессивной внешней политики²⁵.

Это происходит в различных вариантах. Так, ценности-клише активно влияют на формирование образа (картины) мира: реальность как бы подгоняется под какие-то ценности или воспринимается через их фильтры. Другим вариантом является отождествление ценностей с ресурсами общества, представление о них как о «священных возможностях». Ценностями также могут выступать определенные поведенческие схемы традиционного или идеологического порядка²⁶. В итоге получается ориентированное действие, степень позитивного результата которого в значительной мере зависит от того, каким ценностям привержен субъект.

Как бы не относиться к тем или иным ценностям, закрепленным в этническом, социальном и политическом сознании в виде символов-ориенти-

ров и устойчивых поведенческих схем, важно понимание того, что они имеют глубокую эволюционно-психологическую основу.

Развитие любой нации не имеет абсолютной непрерывности и распадается на ряд относительно самостоятельных периодов или циклов. Каждый период национального развития мог сформировать свой стереотип-символ, запечатленный в коллективном бессознательном. Он может иметь и соответствующее образное пространственное выражение, то есть характерное для определенной части населения той или иной общности. Например, притом, что большинство представителей еврейского народа являются частью, например, европейской цивилизации, образ Земли Обетованной является главным ориентиром их самоидентификации. А для россиян пока трудно преодолеть тот внутренний конфликт, что истоки их государственности и место христианизации уже принадлежат другому государству — Украине.

Пространство проживания, будучи одним из важнейших элементов мира, осмысливалось на начальных этапах формирования национального сознания отлично от того, как оно представляется современному человеку²⁷. В архаическом мировоззрении пространство проживания конструируется особым образом — через развертывание, распространение его во вне по отношению к какому-то центру. Например, к Римской империи, Византии, Ирану, Китаю и России и т.д. Причем оно имеет не только географические координаты и объекты, а насыщено эмоциональным и религиозным содержанием, неким символистским смыслом, то есть одновременно представляет собой и религиозно-мифологическое пространство, в котором и происходят вполне конкретные реальные действия и соотносятся интересы.

В то же время человек-современный, несмотря на то, что стремится оценивать внешнее по отношению к нему пространство в таких рационализированных категориях, по-прежнему сохраняет в своей памяти архаические представления. Последние и закрепляются в определенных символах-ориентирах²⁸. Например, население территорий страны, ранее являвшиеся зоной конфликтного контакта с другими народами и государствами, могут иметь свои стереотипы восприятия. Последние актуализируются в момент возникновения конфликтов или внешней угрозы.

Осознание своей национальной общности начинается с внешней ориентации, то есть в системе отношений, которые принято обозначать как «между-

²⁴ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 122-182.

²⁵ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 173; Тосака Дзюн. Японская идеология. М., 1991. С. 85-102.

²⁶ Цымбурский В.Л. Человек политический между Ratio и ответами на стимулы (К исчислению когнитивных типов принятия решений) // ПОЛИС. 1995. № 5. С. 22-23.

²⁷ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 62.

²⁸ Гуревич А.Я. Указ. соч.

народные». Это происходит в виде сопоставления своего коллективного Я с внешними субъектами — другими общностями или народами, причем в активном процессе взаимодействия с ними. В результате возникает контур устойчивой национальной системы самоидентификации и складывается определенная картина мира, выраженные в соответствующих ориентирах-символах, которые хотя и связаны с внешней средой, но «обращены внутрь себя»²⁹. Иначе говоря, «представления о внешнем мире относятся к сфере идей и, отражая общественные отношения, в известной мере оторваны от них, обладают опреде-

ленной автономией и своей спецификой развития и проявления»³⁰. Чем активнее международное взаимодействие, тем быстрее процесс самопознания и более рельефен образ своего и чужого Я.

Таким образом, можно констатировать, что анализ процесса формирования внешней политики государства предполагает знание и понимание социально-психологических аспектов отношения одного народа к другому и к окружающему миру, понимание когнитивной логики процесса формирования внешней политики и принятия внешнеполитического решения.

Источники:

1. Назаретян А.П. Человеческий интеллект в развивающейся вселенной: истоки, становление, перспективы. М., 1990.
2. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1998.
3. Аратановский С.Н. Этноцентризм и «возврат» к этничности: концепция и действительность. — Этнографическое обозрение. 1992. № 3.
4. Мифы народов мира. М., 1985. Т. 1.
5. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.
6. Глебова И.И. Образы прошлого в структуре политической культуры России: дис. на соиск. уч. ст. ... д.п.н. М., 2007.
7. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI вв. М., 2007.
8. Мостовая И.В., Скорпик А.П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // ПОЛИС. 1995. № 4. С. 72.
9. Ленолла Э. Малая нация и национальное самосознание в современном мире. Финляндия, Хельсинки, 1993.
10. Селиванов Ф.М. Богатырский эпос русского народа. Былины. М., 1988.
11. Рыбин Ф.Н. Современная внешнеполитическая доктрина Польши и национальное самосознание поляков (политологический анализ). М., 2003.
12. Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. М., 2002.
13. Задохин А.Г. Политические процессы на периферии Евразии. М., 1998.
14. Чудодеев Ю.В., Каткова З.Д. Китай — Япония: любовь или ненависть? М., 1995.
15. The Chinese and Japanese. Essay in Political Interactions. ED. By Akira Iriya. Princeton. 1980.
16. Манойло А.В. Ценностные основы управления межцивилизационными конфликтами: российская модель. // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. 2012. №3. С. 89-92.
17. Манойло А.В. Интересы внешней политики США в Афганистане // Национальная безопасность. 2012. №3. С. 76-81.
18. Мак-Клейн Дж.Л. Япония от сегуната Токугавы — в XXI век. М., 2007.
19. Сьюмпэй Окамото. Японская олигархия в русско-японской войне. М., 2003.
20. Карцева Е. Три лица имиджа, или Кое-что об искусстве внушения // Иностранная литература. 1971. № 9.
21. Топоров В.Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам (ТЗС). Т. VI, УЗ ТГУ. Вып. 308. Тарту, 1973.
22. Живов В.М. О внутренней и внешней позиции при изучении моделирующих систем. Вторичные моделирующие системы. Тарту. 1979.
23. Лотман Ю.М. Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. // Культурное наследие древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976.
24. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005.
25. Тосака Дзюн. Японская идеология. М., 1991.
26. Цымбурский В.Л. Человек политический между Ratio и ответами на стимулы (К исчислению когнитивных типов принятия решений) // ПОЛИС. 1995. № 5.
27. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

²⁹ Мостовая И.В., Скорпик А.П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // ПОЛИС. 1995. № 4. С. 72.

³⁰ Чудодеев Ю.В., Каткова З.Д. Китай-Япония: любовь и ненависть? М., 1995. С. 4.

28. Чудодеев Ю.В., Каткова З.Д. Китай-Япония: любовь и ненависть? М., 1995.
29. Разуваев В.В. Символические образы в международных отношениях. — *Международная жизнь*. 1994. № 1. С. 64.
30. Лах З. Поляки и их соседи // *Этнографическое обозрение*. 1992. № 4.
31. Япония и мировое сообщество: социально-психологические аспекты интернационализации. М., 1994.
32. Бажанов В.А. Рефлексия в современном науковедении // *Рефлексивные процессы и управление*. 2002. Т. 2. № 2.
33. Лefeвр В.А. Просчеты миротворчества. — *Рефлексивные процессы и управление*. 2002. Т. 2. № 2.
34. Информация. Дипломатия. Психология. М., 2002.

References (transliteration):

1. Nazaretyan A.P. Chelovecheskii intellekt v razvivayusheysya vselennoi: istoki, stanovlenie, perspektivy. M., 1990.
2. Kubbel' L.E. Ocherki potestarno-politicheskoi etnografii. M., 1998.
3. Aratanovskii S.N. Etnocentrizm i «vozvrat» k etnichnosti: koncepciya i deistvitel'nost'. — *Etnograficheskoe obozrenie*. 1992. № 3.
4. Mify narodov mira. M., 1985. T. 1.
5. Shibutani T. Social'naya psihologiya. M., 1969.
6. Glebova I.I. Obrazy proshlogo v strukture politicheskoi kul'tury Rossii: dis. na soisk. uch. st. ... d.p.n. M., 2007.
7. Lukin A.V. Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII-XXI vv. M., 2007.
8. Mostovaya I.V., Skorpik A.P. Arhetipy i orientiry rossiiskoi mental'nosti // *POLIS*. 1995. № 4. S. 72.
9. Lenolla E. Malaya naciya i nacional'noe samosoznanie v sovremennom mire. Finlyandiya, Hel'sinki, 1993.
10. Selivanov F.M. Bogatyrskii epos russkogo naroda. Byliny. M., 1988.
11. Rybin F.N. Sovremennaya vneshnepoliticheskaya doktrina Pol'shi i nacional'noe samosoznanie polyakov (politologicheskii analiz). M., 2003.
12. Zadohin A.G., Nizovskii A.Yu. Porohovoi pogreb Evropy. M., 2002.
13. Zadohin A.G. Politicheskie processy na periferii Evrazii. M., 1998.
14. Chudodeev Yu.V., Katkova Z.D. Kitai — Yaponiya: lyubov' ili nenavist'? M., 1995.
15. The Chinese and Japanese. Essay in Political Interactions. ED. By Akira Iriya. Princeton. 1980.
16. Manoilo A.V. Cennostnye osnovy upravleniya mezhcivilizacionnymi konfliktami: rossiiskaya model' // *Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 2012. № 3. S. 89-92.
17. Manoilo A.V. Interesy vneshnei politiki SShA v Afganistane. // *Nacional'naya bezopasnost'*. 2012. № 3. S. 76-81.
18. Mak-Klein Dzh.L. Yaponiya ot segunata Tokugavy — v XXI vek. M., 2007.
19. Syumpei Okamoto. Yaponskaya oligarhiya v russko-yaponskoi voine. M., 2003.
20. Karceva E. Tri lica imidzha, ili Koe-chto ob iskusstve vnusheniya // *Inostrannaya literatura*. 1971. № 9.
21. Toporov B.H. O kosmologicheskikh istochnikah ranneistoricheskikh opisaniy // *Trudy po znakovym sistemam (T3C)*. T. YI, UZ TGU. Vyp. 308. Tartu, 1973.
22. Zhivov B.M. O vnutrennei i vneshnei pozicii pri izuchenii modeliruyushih sistem. Vtorichnye modeliruyushie sistemy. Tartu. 1979.
23. Lotman Yu.M. Bytovoe povedenie i tipologiya kul'tury v Rossii XVIII v. // *Kul'turnoe nasledie drevnei Rusi. Istoki. Stanovlenie. Tradicii*. M., 1976.
24. Malahov B.C. Nacionalizm kak politicheskaya ideologiya. M., 2005.
25. Tosaka Dzyun. Yaponskaya ideologiya. M., 1991.
26. Cymburskii V.L. Chelovek politicheskii mezhdru Ratio i otvetami na stimuly (K ischisleniyu kognitivnyh tipov prinyatiya reshenii) // *POLIS*. 1995. № 5.
27. Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoi kul'tury. M., 1984.
28. Chudodeev Yu.V., Katkova Z.D. Kitai-Yaponiya: lyubov' i nenavist'? M., 1995.
29. Разуваев В.В. Символические образы в международных отношениях. — *Международная жизнь*. 1994. № 1. С. 64.
30. Лах З. Поляки и их соседи // *Этнографическое обозрение*. 1992. № 4.
31. Япония и мировое сообщество: социаль'но-психологические аспекты интернационализации. М., 1994.
32. Bazhanov B.A. Refleksiya v sovremennom naukovedenii // *Refleksivnye processy i upravlenie*. 2002. Т. 2. № 2.
33. Lefeвр В.А. Просчеты миротворчества. — *Рефлексивные процессы и управление*. 2002. Т. 2. № 2.
34. Informaciya. Diplomatiya. Psihologiya. M., 2002.